

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 94(571.1/5)

DOI: 10.17223/22220836/24/28

В.А. Дробченко, Э.И. Черняк

ВЛАСТЬ И СИБИРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ КАТАКЛИЗМОВ (МАРТ 1917 – МАЙ 1921 г.)

Рецензия

Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.).

Сб. документов / Составитель и научный редактор В.И. Шишкин.

Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск: Автограф, 2015. 421 с.

Объективное и всестороннее исследование переломных этапов российской истории связано с необходимостью привлечения широкого круга источников, среди которых особое место занимают источники личного происхождения. Именно они позволяют более полно ощутить «дух эпохи», наполнить ее конкретным содержанием, увидеть за сухими строчками документа живых людей с их бедами, тревогами и переживаниями.

Составитель рецензируемого сборника документов – профессор В.И. Шишкин – один из крупнейших специалистов по истории гражданской войны в Сибири. Им введен в научный оборот внушительный пласт документов, многие из которых, не вписываясь в контекст официальной советской истории, ранее либо игнорировались, либо искажались, либо вообще не были доступны исследователям. В сборниках, подготовленных и опубликованных В.И. Шишкиным, представлен комплекс документов, связанных с формированием и эволюцией антибольшевистской власти в Сибири летом – осенью 1918 г. [1], а также с массовыми выступлениями сибирских крестьян в 1920–1921 гг. [2]. Сборник документов «Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.)» [3] в определенном смысле является связующим звеном между всеми этими документальными публикациями, поскольку, с одной стороны, охватывает весь период от Февральской революции до завершения гражданской войны в Сибири и, во-вторых, включает документы личного характера, характеризующие положение человека в условиях быстрой смены политических режимов и трансформации общественного сознания.

Следует отметить, что представленный сборник является логическим продолжением публикаций сибирских историков, направленных на изучение проблемы отношений общества и власти в период социальных катаклизмов. Особое место среди них занимает публикация материалов о съездах, конфе-

ренциях и совещаниях социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в сибирских областях и губерниях в период марта 1917 – ноября 1918 г., осуществленная под руководством Э.И. Черняка [4]. Материалы сборников предоставляют возможность произвести социально-психологические срезы общественной жизни Сибири, исследовать эволюцию отношений между обществом и властью на различных этапах революции и гражданской войны. Так, Э.И. Черняк в монографии «Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года)» (Томск, 2001) через анализ решений съездов и конференций раскрыл содержание и структуру общественно-политической жизни в регионе

Сборник документов «Письма во власть...» существенно дополняет имеющиеся публикации как широким кругом представленных источников, так и новизной введенных в научный оборот документов. Во введении к сборнику В.И. Шишкин подробно остановился на характеристике термина «письма во власть», указав, что «этим словосочетанием обозначают совокупность разнообразных эпистолярных жанров: доклады, доносы, жалобы, записки, заявления, наказания, обращения, петиции (прошения), поздравления, послания, предложения, приветствия, телеграммы, ходатайства, а также собственно письма, которые в разной степени активно использовались в российских коммуникативных практиках на протяжении последних, как минимум, пяти веков при апелляции во властные структуры» [3. С. 3].

В кратком, но довольно ёмком историографическом обзоре автор раскрывает сущность понятия «письма во власть», выявляет причины их появления, роль и значение. Исследователь, соглашаясь с принципиальной оценкой таких писем как разновидностью коммуникации, в то же время подчеркивает, что считать их даже «суррогатным» диалогом общества и государства можно только при выявлении реакции властных структур на эти обращения. По мнению автора, такие обращения необходимо рассматривать как социальные действия, выраженные в проявлении инициативы граждан к диалогу с властью в наиболее приемлемой и доступной для них форме в надежде получить прогнозируемый ответ [3. С. 5].

Нельзя не согласиться с автором в том, что важнейшей причиной появления таких писем является специфика российской политической системы, которая всегда испытывала дефицит подлинных демократических институтов, механизмов и процедур [3. С. 4]. Россия была и остается «сложноорганизованной системой патерналистского типа» [4. С. 8], в которой власть, а не суд, в массовом сознании воспринимаются высшим арбитром, конечной инстанцией. Такое отношение к власти, существовавшее в имперской России, сохранилось в советской, а в постсоветской даже целенаправленно культивируется, особенно в последние годы.

Письма во власть необходимо рассматривать как особый вид исторических источников личного происхождения. Их отличительной чертой является высокий уровень достоверности. Адресант, рассчитывая на конкретную реакцию власти, как правило, указывал свои данные, излагая суть событий, не мог не понимать, что достоверность его сообщения будет тщательно проверяться, и любая ложь будет во вред ему самому. Конечно, оценка событий

в таких источниках всегда субъективна, но это уже задача исследователя – отделить зерна от плевел. Крайне осторожно следует относиться к анонимным посланиям, в первую очередь доносам, целью которых нередко являлось сведение личных счетов. Следует отметить, что автор не только провел тщательный отбор документов, но и представил данные об адресантах, адресатах, а в ряде случаев и информацию о реакции властей на обращение [3. С. 8].

Адресатами писем являлись как органы, так и конкретные должностные лица. Власть всегда персонализирована, но в условиях революции и гражданской войны происходила довольно быстрая смена политических декораций и действующих персон. Этим, в частности, объясняется весьма разнородный список адресатов в первые месяцы после Февральской революции, когда старая система власти была упразднена, а новая находилась в процессе становления. Поэтому обращения в центр шли на имя главы Временного правительства Г.Е. Львова, председателя Государственной думы М.В. Родзянко, А.Ф. Керенского, конкретных министров, а также правительства в целом и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. На местах адресатами являлись коллегиальные органы: комитеты общественной безопасности, различные исполнительные комитеты и советы.

В период июня 1918 – конца 1919 гг. наибольшее число из персональных обращений, представленных в сборнике, адресовано П.В. Вологодскому, последовательно занимавшего посты председателя Совета министров сначала Временного Сибирского, а затем – Временного Российского правительства. После восстановления Советской власти в Сибири самым популярным адресатом стал председатель Сибревкома И.Н. Смирнов. Конечно, основной причиной обращений к этим лицам являлось их должностное положение, но необходимо отметить и то, что судьбы обоих были тесно связаны с Сибирью. Вологодский и Смирнов были хорошо знакомы, более того их связывала совместная работа в Томском комитете общественного порядка весной 1917 г. В дальнейшем их пути разошлись, но в сибирском обществе (точнее в определенных его слоях) у них имела репутация людей порядочных, честных, принципиальных. Авторы ряда обращений прямо подчеркивали эти качества, надеясь на внимательное отношение и справедливое рассмотрение дела.

Как отмечал известный историк В.П. Булдаков, «свидетельства простых людей относительно малочисленны, научно неатрибутированы, порой удручающе косноязычны. Собрать их трудно, систематизировать еще сложнее» [5. С. 8–9]. В.И. Шишкину в целом удалось успешно справиться с этой задачей. Отбор источников был осуществлен в центральных и сибирских архивах, причем «приоритет отдавался тем из них, содержание которых позволяет получить новое знание о политической повседневности Сибири периода революции и гражданской войны в трактовке и интерпретации их адресантов» [3. С. 9]. Как отметил составитель, «наибольшее отражение в публикуемых документах получили политика властей по отношению к разным социальным слоям, взаимоотношения органов власти и граждан, проблемы и трудности адаптации населения к стремительно менявшимся и зачастую исключительно суровым политическим реалиям» [3. С. 9].

В структурную основу сборника положен хронологический принцип. Составитель выделил четыре главы, границы которых определены сменой поли-

тических режимов на территории Сибири. По нашему мнению, логично было бы первую главу, охватывающую период с марта 1917 по июнь 1918 г., разделить на две, которые соответствовали бы периодам пребывания у власти Временного правительства и «первой сибирской Советской власти». В.И. Шишкин объяснил такое соединение периодов крайней малочисленностью писем, датированных осенью 1917 – весной 1918 г. Он указал, что с началом гражданской войны руководство советов Сибири сознательно уничтожило документацию, содержащую сведения об их деятельности, в том числе обращения граждан [3. С. 9]. Необходимо уточнить, что в связи со стремительностью и неожиданностью антибольшевистского переворота в конце мая 1918 г. советское руководство Новониколаевска и Томска попросту не имело времени на уничтожение документов. Поэтому их уничтожение могло идти как в процессе поступления, так и после свержения Советской власти. В архивах бывших уездных центров Томской губернии документы 1917–1918 гг. представлены крайне скудно, а архив Кузнецка вообще был сожжен партизанами-роговцами в конце 1919 г.

Еще одна причина в ограниченности «писем во власть» периода «первой Советской власти» связана с тем, что до конца весны 1918 г. в большинстве сибирских территорий сохранялось «провинциальное двоевластие», и населению в этой властной «чехарде» сложно было разобраться. Также отметим, что большинство представителей непролетарских слоев и оппозиционных партий негативно относилось к большевикам, рассчитывало на их скорый уход и поэтому не стремилось к диалогу с ними. Об этом свидетельствуют публикации эсеровских и меньшевистских газет, которые, хотя и с большими сложностями, выходили в регионе до конца весны 1918 г. Таким образом, нам представляется, что включение в первую главу сборника только трех «писем», адресованных органам Советской власти связано с отсутствием документов, а не с какими-либо упущениями составителя.

По содержанию обращения, включенные в первую главу можно с определенной долей условности разделить на три группы: 1) приветственные обращения; 2) личные просьбы; 3) сообщения с мест. Документы первой группы – телеграммы и приветствия в адрес Временного правительства, Петроградского совета, губернских властей. Они принимались на собраниях, митингах, съездах. Основной массив таких коллективных приветствий датируется мартом 1917 г., а далее их поток заметно снизился, несколько вырос в связи с корниловским мятежом и фактически иссяк к осени. Многие из обращений такого типа были опубликованы на страницах сибирских газет. Как правило, в таких обращениях содержатся заявления о поддержке правительства, его курса на осуществление демократических преобразований, выражены надежды на скорейший созыв Учредительного собрания, решение вопросов о войне и мире, земле и многих других. В обращениях служащих и интеллигенции нередко выражалась готовность терпеть определенные лишения ради достижения грядущих великих целей.

Вторая группа документов – это индивидуальные обращения (прошения, заявления, жалобы), авторы которых обращались с просьбой решения частной проблемы (выдача пособия, увеличение денежного содержания, возвращение из армии единственного сына-кормильца, жалобы на неправомерные действия властей).

Третья группа наиболее разнопланова. В нее включены документы (заявления, доносы), в которых сообщается о нарушениях общественного порядка как властными структурами, так и гражданами. Здесь сообщения о милицеском произволе, массовом самогоноварении, уклонении от военной службы и т.п.

В ряде документов содержатся размышления авторов о происходящих событиях, даются оценки, высказываются предложения. В этом отношении интересно заявление члена Алтайской Горной думы С.С. Борисова в Алтайский губернский исполнительный комитет, датированное 24 января 1918 г. [3. С. 38–42]. С.С. Борисов – активный деятель национального движения на Алтае, в дальнейшем – советский разведчик и дипломат, руководитель секретной экспедиции в Тибет (1924–1925). В своем заявлении он размышлял о судьбах сибирских инородцев, о возможности предоставления им территориальной автономии, указывал, что, несмотря на соответствующее решение Томского губернского народного собрания, на уездном уровне вопрос так и не был решен, подчеркивал, что инородческий вопрос не может решаться в узких рамках уездного обсуждения. В связи с этим Борисов заявил о сложении с себя полномочий члена Алтайского губернского исполнительного комитета. По выражению Борисова, принятие ряда декларативных заявлений в первые постфевральские месяцы во многом было обусловлено «романтикой первого периода революции».

Вторая глава охватывает период так называемой «демократической контрреволюции» (июнь – ноябрь 1918 г.). В нее включены документы, направленные в структуры и должностным лицам Временного Сибирского правительства (в ноябре 1918 г. – Российского правительства). Существенный массив представленных здесь документов включает в себя обращения, содержащие как анализ сложившейся ситуации, так и конкретные рекомендации правительству по различным вопросам общественно-политической жизни, в первую очередь по вопросам формирования власти. Так, широкая программа преобразований изложена в заявлении соединенного заседания Бийского биржевого общества и Бийского торгово-промышленного союза уполномоченному Временного Сибирского правительства от 3 июля 1918 г. [3. С. 65–67] и записке представителей торгово-промышленного класса востока России председателю Временного Всероссийского правительства Н.Д. Авксентьеву в начале ноября 1918 г. [3. С. 104–110].

В памятной записке «блока» правосоциалистических групп г. Омска в Совет министров Временного Сибирского правительства от 11 июля 1918 г. [3. С. 68–72] основное внимание уделено характеристике создаваемой Сибирской областной думы, указано, что она «не может функционировать в качестве органа, обеспеченного доверием и поддержкой сколько-нибудь значительных групп», а ее созыв обессилит Временное Сибирское правительство, поскольку «дума может стать одним из «предпарламентов», превращающимся в «говорильню», разлагающим власть, а не укрепляющим ее, профанирующим идею настоящего народного представительства и посягающим на права Учредительного собрания путем решения кардинальных вопросов государственной жизни до него». В записке спрогнозирован неминуемый конфликт между думой и правительством, предложено, отказавшись от созыва думы, приложить все усилия к формированию «твердой и единой власти».

В докладной записке Омского отдела «Союза возрождения России» заместителю председателя Административного совета, министру финансов Временного Сибирского правительства И.А. Михайлову (первая половина октября 1918 г.) сообщается о многочисленных случаях произвола военных: безосновательных арестах, «скорострельных судах», «коротких расправах» с людьми, виновность которых не только не установлена, но даже и не оправдана мало-мальски сносным следствием и документами». В документе указано на необходимость «восстановления разрушенного правового государственного строя», подчеркнуто, что «действия новой сибирской власти... должны были базироваться на строго правовых нормах» [3. С. 86–90].

Жалобы на произвол властей (в первую очередь – военных) содержатся в значительной части как индивидуальных, так и коллективных обращений. В них освещен широкий круг вопросов: необоснованные аресты и расправы над населением, изъятие имущества, препятствия в работе профессиональных и кооперативных организаций. В сообщениях с мест содержится информация о бедственном положении населения, об обесценивании человеческой жизни. К.Е. Вилков, бывший в 1913 г. письмоводителем у П.В. Вологодского, в письме к премьеру от 28 октября 1918 г. писал: «Нельзя обойти молчанием того состояния, что ни один гражданин не имеет уверенности в том, что с ним будет сейчас, сию минуту. А массовые расстрелы, увозы людей куда-то, откуда ни то ждать их возвращения или они прикончены, эта неизвестность, эта неуверенность в свое существование создали такие условия существования, что каждый не рад жизни, а тем более сменам властей» [3. С. 96].

Житель Томска А.Н. Лялин в письме П.В. Вологодскому от 15 июля 1918 г., сообщая об «ужасном, безвыходном и непонятном положении крестьян», отмечал, что «обозлеть, восстанавливать народ действительно трудовой не следует – он дает войско, хлеб, денег, но с ним надо обращаться по-человечески» [3. С. 72, 74]. Иной подход к решению существующих проблем предлагал житель Каинска С.А. Соболевский. В письме в адрес правительства от 27 сентября 1918 г. он указывал на отсутствие действенных мер «против ужасного возрастания продовольственной разрухи», заявлял, что «самогонка в сие время равносильна бедствию пожара всей России» и предлагал в качестве «тормоза к алчным аппетитам крестьян» жесткие меры вплоть до публичных телесных наказаний и смертной казни, а по отношению к самогонщикам и спиртоносам применять на местах самосуд [3. С. 83–85].

Во вторую главу составителем включено несколько документов (писем), авторы которых излагали свои размышления о судьбах страны и власти в ярко выраженной эмоциональной форме. Эта экспрессия свидетельствует о глубоких внутренних переживаниях. Так, не назвавший своего имени офицер в письме к «Комитету всероссийской власти» писал: «Внемлите крику истерзанной, истомленной души русского человека! Обратите внимание на горькую действительность. Проснитесь от снов, навеваемых гармонией красивых и знаменательных речей, различных совещаний, собраний, заседаний и т.п. Спросите о действительности простого гражданина, и он гораздо правдивее передаст вам о том, что переживает, думает и что может сделать и при каких условиях население страны, чем какие-либо представители различных партий, организаций» [3. С. 81].

Присяжный поверенный А.М. Мариупольский в обращении во Временное Сибирское правительство писал: «Не могу молчать, когда только что спасенная наша Родина Сибирь вновь ставится на край гибели». Размышляя о расстановке сил в регионе, он призывал власть быть твердой до конца, опираться на народ, иначе «перед страхом большевизма народ припадет к стопам военной диктатуры, и тогда действительно будет контрреволюция и погибнет все, что отвоевано народной кровью и столетними страданиями». [3. С. 75–76].

Документы, представленные во второй главе, свидетельствуют о том, что после свержения Советской власти противоречия внутри сибирского общества стали еще более обостряться. Решение этих проблем одни связывали с реализацией идей народовластия, другие – с военной диктатурой, причем к установлению последней склонялись не только представители торгово-промышленного класса, но и части средних слоев, а идея диктатуры приобретала в общественном сознании все более зримые очертания.

В третьей главе представлены документы, относящиеся к периоду деятельности Временного Российского правительства адмирала А.В. Колчака (декабрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Не вдаваясь в подробности, лишь отметим, что существовавший режим, являясь военной диктатурой, в то же время разрешал деятельность таких демократических институтов, как местное самоуправление, профсоюзы, политические партии (за исключением радикальных), относительно независимой прессы. Кратковременные успехи белых на фронте сменились чередой неудач, что в свою очередь отразилось на ситуации в тылу. В обращениях с мест показана картина разрухи, все большего обнищания населения, беспомощности, а зачастую и невежества низовых властных структур. Все это усугублялось разгулом военщины, милицейским беспределом, эскалацией насилия.

В докладной записке председателя общества домовладельцев г. Тюмень Н.И. Беседных председателю Совета министров Российского правительства от 23 апреля 1919 г. указывалось, что, несмотря на стремление правительства к устроению государства на началах законности и правопорядка, местная власть далеко не всегда придерживается этих принципов. Беседных отмечал, что «чувствуется рутинность и произвольность действий низших агентов власти, легко опьяняемых ею, несдерживаемых надлежащим надзором, и твердая власть получает выражение в приемах, напоминающих приемы власти тяжелой памяти коммунистов-большевиков» [3. С. 191].

В рапорте зауряд-прапорщика 3-го Барнаульского кадрового полка Климанова управляющему Алтайской губернией от 16 февраля 1919 г. сообщалось о насилиях, чинимых над населением военными и милицией. Приведя примеры таких насилий, Климанов указывал, что все это «ложится грязным пятном на армию, на офицеров», а «милиция, явно играя в пользу большевиков и во вред существующему правительству, сеет рознь между крестьянами и властью» [3. С. 165]. Крестьянин А.М. Лисавенко в письме к П.В. Вологодскому от 2 февраля 1919 г. прямо указывал, что правительство своими действиями «восстановило людей против себя» [3. С. 170]. В этих условиях продолжалось разложение деревни, где повсеместными явлениями стали

уклонение от налогов и повинностей, спекуляция, самогоноварение, «лесоистребление».

В ряде обращений содержатся предложения о принятии экстренных мер по укреплению армии. В докладной записке Совета объединений несоциалистических общественных деятелей земской и городской России председателю Совета министров Российского правительства П.В. Вологодскому от 28 января 1919 г. предлагалось немедленно призвать 18–19 летних учащихся высших и средних учебных заведений. В документе указывалось, что все доводы об отрыве от учебы, о возможных потерях отступают перед угрозой поражения, поскольку «при воцарении большевизма» этой молодежи все равно суждено погибнуть [3. С. 158].

Представители тюменских общественных организаций в обращении к председателю Совета министров от 18 марта 1919 г., поддержав предложение о мобилизации всего имущего класса Сибири в возрасте от 18 до 55 лет, указали, что мобилизованные в возрасте до 35 лет должны быть отправлены на фронт, а остальные – «нести гарнизонную службу и обязаны довольствие и обмундирование иметь со своего счета на дому» [3. С. 175]. Прапорщик 14-го Иртышского Сибирского полка Степаненко в письме А.В. Колчаку от 2 июля 1919 г. писал: «Чтобы остановить противника и дать ему надлежащий отпор, нужно немедленно мобилизовать до 45 лет всех беженцев и купцов во всех городах. Довольно им спекулировать. Это будет более надежное войско, чем 20-летние сибиряки, которые настроены, если не большевистски, то безразлично» [3. С. 205].

Несмотря на все усилия, деградация армии продолжалась, росло дезертирство, которое не удавалось остановить даже расстрелами. В письме учителей села Болотное А.В. Колчаку от 1 октября 1919 г. сообщалось о бесчинствах солдат, вставших в селе на постой, указывалось, что жителей притесняют хуже «большевиков», и все это делается с ведома высшего начальства. Авторы письма указывали: «...Благодаря подобных выходов военной власти уважение к ним всякое пропадает, а уроки большевизма очень хорошо прививаются» [3. С. 238].

В документах, представленных в третьей главе, преобладают обращения частного характера. Хотя в состав главы включено относительно немного прошений об оказании помощи, эти документы свидетельствуют о том, что их авторы оказались в крайне сложной ситуации, были поставлены на грань выживания. Особенно тяжелым было положение беженцев. Бывший жандармский унтер-офицер М.Х. Матвеев писал, что с семейством вынужден проживать в вагоне «без всяких на пропитание средств», работу найти не может, и просил назначить ему хоть какое-то пособие, поскольку «мне с семейством далее существовать нет никакой возможности» [3. С. 205].

Старший бухгалтер Тобольской казенной палаты В.А. Дронзиков в прошении на имя Верховного правителя сообщал, что его жалования не хватает даже на приобретение необходимой месячной нормы муки, и ему остается «стать на папёрть с протянутой рукой или же послать детей просить милостыню». Он просил: «Придите на помощь моей голодающей и почти нищенствующей семье и семьям таких же многосемейных маленьких государственных работников», «увеличив наше содержание в спешном порядке» [3.

С. 205–206]. Завизировавший документ директор канцелярии Верховного правителя А.А. Мартьянов отметил, что изложенное «совершенно все верно», но все это может прекратить только окончание гражданской войны, т.е. победа над большевиками, а если выдавать пособие всем служащим на государственной службе, то никаких денег не хватит [З. С. 207].

Документы, представленные в третьей главе, свидетельствуют о том, что на протяжении всего рассматриваемого периода нарастали противоречия не только между властью и обществом, но и внутри самой белой власти. Уже-сточение режима, применение чрезвычайных мер вело к эскалации насилия, ускорило крушение колчаковского режима.

В четвертой главе представлены документы периода восстановления Советской власти в Сибири (декабрь 1918 – ноябрь 1919 г.). Основной массив документов – это обращения по поводу арестов, приговоров, реквизиций и конфискаций. Причем, нет какой-либо существенной разницы по содержанию между частными и коллективными обращениями. Подборка материалов в этой главе свидетельствует о жестокости, с которой представители Советской власти относились к сибирскому населению, в первую очередь – к крестьянству, только что «освобожденному» от гнета колчаковщины. Террор и насилие были возведены в ранг государственной политики, которую осуществляли структуры репрессивного аппарата (ЧК, трибуналы). Судя по обращениям, размах репрессий существенно превосшел все то, что пережило население в предыдущие годы.

Наиболее ощутим беспредел властей был на низовом уровне, когда они непосредственно сталкивались с населением. Житель г. Нарым П.И. Вяжев в письме председателю Сибревкома И.Н. Смирнову от 17 июня 1920 г. писал: «Здесь найдете все: клевету, интриги, подлизывание, фанфаронство и прочие атрибуты существовавших ранее властей. Здесь все честное, трудолюбивое, лояльное искореняется или пресекается в самом зародыше» [З. С. 301]. Население крайне болезненно реагировало на различия между провозглашенными лозунгами и реалиями жизни. Жители деревни Мокшино Ишимского уезда в письме И.Н. Смирнову от 17 февраля 1921 г. указывали на «неисполнение властью своих приказов и слов», сообщали, что проводимая политика привела к тому, что «личность человека перестала быть личностью его, а стала как инвентарь», и в этих условиях «крестьянин, живя на страже своего сельского хозяйства и видя неминуемую гибель его от настоящих условий, приходит к умопомрачению, ради чего теряет свое равновесие к государственной власти» [З. С. 345].

Среди документов есть несколько обращений в вышестоящие органы представителей низовых властных структур. Так, сотрудник Барабинского политбюро В. Косткин в рапорте в Каинский уездный комитет РКП(б) от 4 ноября 1920 г. указывал, что «поступает масса материалов о злоупотреблениях; орган, который борется с злоупотреблениями, сам злоупотребляет», и отмечал, что «не хватает энергии находиться на настоящей должности при такой обстановке» [З. С. 323]. Начальник рабоче-крестьянской милиции 3-го района Ачинского уезда М.Н. Петренко в заявлении, адресованном В.И. Ленину, от 16 мая 1921 г. сообщал о «грубом произволе», самосудах над арестованными, бесчинствах над мирными гражданами, «учиняемых в некото-

рых местностях Ачинского уезда представителями даже высших органов власти» [3. С. 365].

Расследование событий, описанных в письме Петренко, было взято под высший контроль, получило широкую огласку и стало известно как «шарыповское дело». По своим масштабам и жестокости эти события превзошли все иные насилия, творимые в Сибири представителями власти. В середине февраля 1921 г. милицией и отрядом ЧОН под командованием бывшего партизанского командира Г.Х. Перевалова в селе Шарыпово Ачинского уезда и ряде окрестных сел было арестовано по подозрению в политической неблагонадежности около 60 человек, более половины из которых были тайно удушены. Процесс по этому делу, проходивший в Красноярске в конце 1921 г., подробно освещался местной прессой. Из 53 подсудимых 15 были приговорены к высшей мере наказания, остальные – к различным срокам заключения, но уже вскоре были амнистированы учетом их заслуг перед Советской властью и «обстановкой ожесточенной борьбы» [6].

Документы, включенные в четвертую главу, лишь частично затрагивают проблему «красного бандитизма» в Сибири, но вместе с тем дают четкое представление о формах и методах восстановления Советской власти в регионе. «Письма к власти» свидетельствуют о том, что население Сибири вынуждено было принять эту власть, не видя ей иной альтернативы. Поэтому в ряде обращений даже бывших противников Советской власти выражена готовность к сотрудничеству с нею с условием корректировки курса. В этом отношении интересны показания одного из организаторов «Сибирского крестьянского союза» В.И. Игнатьева, арестованного чекистами в конце 1920 г. Указав, что являлся сознательным противником Советской власти, Игнатьев, заявлял, что при взятом большевистским руководством курсе на развитие производства он готов вести разъяснительную работу среди крестьян при условии отказа власти от террора и насилия. Он подчеркивал, что «для власти выгоднее, да и желательнее дотолковаться с крестьянами, а не терроризировать их» [3. С. 333–337].

Дальнейшие события уже в масштабах страны, связанные с переходом к НЭПу, свидетельствуют о том, что советскому руководству пришлось учитывать интересы самой большей части населения – крестьянства. Конечно, причиной этого в первую очередь стали массовые крестьянские выступления, но и «письма во власть» внесли свою лепту в это кардинальное изменение экономического курса.

В целом, характеризуя документы, представленные в сборнике, следует подчеркнуть, что они содержат важную информацию по истории революции и гражданской войны в Сибири, дают представление об эволюции сознания как отдельных социальных групп, так и всего сибирского общества. По сути, представленные документы – это попытка диалога с властью в контексте углубляющего социального раскола и эскалации насилия. Весьма важны документы, характеризующие положение человека в условиях политической нестабильности и частной смены политических режимов.

Отдельно следует отметить большую работу, проделанную исследователем при составлении комментариев. В них представлены биографические справки адресантов, адресатов и лиц, упоминаемых в документах. Кроме это-

го, даны комментарии к важнейшим событиям и институциональным образованиям. Отличительной чертой сборника и, в определенном смысле, новацией является сопровождение документов (в тех случаях, когда позволяли источники) комментариями о реакции властей на обращение и результатах предпринятых действий.

В итоге необходимо подчеркнуть, что В.И. Шишкиным введен в научный оборот комплекс документов, большей частью впервые опубликованных. Документы сборника освещают широкий круг вопросов, охватывая все сферы общественной жизни, что, без сомнения, позволяет более полно понять сущность и специфику исследуемых процессов и проблем одного из переломных этапов отечественной истории.

Литература

1. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005; *Временное Сибирское правительство* (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007; *Сибирский предпарламент: Частные совещания членов Временной Сибирской областной думы* (июнь – август 1918 г.): сб. док. и матер. / сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2013.
2. За советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.): сб. док. / сост. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2000; *Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы: в 2 т.* / сост. В.И. Шишкин. М., 2000.
3. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.): сб. док. / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Изд. 2-е, расшир. и доп. Новосибирск, 2015.
4. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1991–1992. Ч. 1–2; *Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Алтайской губернии* (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992; *Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии* (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Е.Н. Косых. Томск, 1991; *Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области* (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991; *Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Иркутской губернии* (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. В.Г. Зыкова. Томск, 1991; *Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии* (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Т.В. Якимова. Томск, 1992; *Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии* (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / сост. Э.И. Черняк. Томск, 1992. Ч. 1–2.
5. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
6. *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в Советской Сибири // *Советская история: проблемы и уроки.* Новосибирск, 1992. С. 3–79.

Vladimir A. Drobchenko – PhD, Doctor of History, Associate Professor of Department of Psychology and Educational Sciences, Anzhero-Sudzhensk Branch of Kemerovo State University

E-mail: vadrobchenko@yandex.ru

Eduard I. Chernyak – PhD, Doctor of History, Professor, Director of Institute of Arts and culture of National Research Tomsk State University, Head of Department of Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage

POWER AND SIBERIAN SOCIETY IN THE PERIOD OF SOCIAL CATAclysms (MARCH 1917 – MAY 1921)

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2016, (4) 24; 248–259 pp.
DOI: 10.17223/22220836/24/28

References

1. Shishkin, V.I. (ed.) (2013) *Zapadno-Sibirskiy komissariat Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (26 maya – 30 iyunya 1918 g.)* [West Siberian Commissariat of the Provisional Siberian Government (May 26 – June 30, 1918)]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Shishkin, V.I. (ed.) (2015a) *Za sovety bez kommunistov: Krest'yanskoe vosstanie v Tyumenskoy gubernii (1921 g.)* [For the Soviets without Communists: The peasant uprising in Tyumen Province (1921)]. Moscow: [s.n.].
3. Shishkin, V.I. (ed.) (2015b) *Pis'ma vo vlast' v epokhu revolyutsii i grazhdanskoy voyny (mart 1917 – may 1921 g.)* [Letters to authorities in the era of revolution and civil war (March, 1917 – May, 1921)]. 2nd ed. Novosibirsk: SB RAS.
4. Yakimova, T.V. (ed.) (1991–1992) *S"ezdy, konferentsii i soveshchaniya sotsial'no-klassovykh, politicheskikh, religioznykh, natsional'nykh organizatsiy v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 g.)* [Congresses, conferences and meetings of social class, political, religious, national organizations in Akmola region (March, 1917 – November, 1918)]. Tomsk: [s.n.].
5. Buldakov, V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red turmoil. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN.
6. Shishkin, V.I. (1992) *Krasnyy banditizm v Sovetskoj Sibiri* [Red banditry in Soviet Siberia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki* [Soviet History: Challenges and lessons]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 3–79.